

Августа 25 (7 сентября)

Священномученик
Владимир Мощанский

Священномученик Владимир родился 15 июня 1866 года в селе Заборовье Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. Отец его, протоиерей Дмитрий Константинович Мощанский, служил сначала в Заборовье, а последние годы своей жизни – в Преображенской церкви на Пятницком кладбище в Вышнем Волочке. Мать, Анна, была дочерью священника, служившего в городе Старице. Она рано осталась вдовой; будучи очень набожной, она кормила всех бедных и нищих, и когда умерла, все они пришли ее хоронить, и тогда стало видно, сколь многим она благодетельствовала.

Владимир Дмитриевич окончил Тверскую Духовную семинарию. Женился на дочери священника Иоанна Дмитриевского, Евдокии, и вскоре был рукоположен в сан диакона ко храму в селе Рогачеве Ржевского уезда Тверской губернии. У о. Владимира и Евдокии Ивановны родились дочь Ольга и три сына – Владимир, Александр¹ и Николай. При рождении последнего ребенка Евдокия Ивановна умерла, оставив о. Владимира с маленькими детьми, воспитывать которых помогала ее незамужняя сестра Александра Ивановна.

Следующим местом служения о. Владимира был Успенский храм в селе Спасском Кашинского уезда, куда он был рукоположен иереем. Через некоторое время он был возведен в сан протоиерея. В этом селе о. Владимир служил до гонений от безбожных властей.

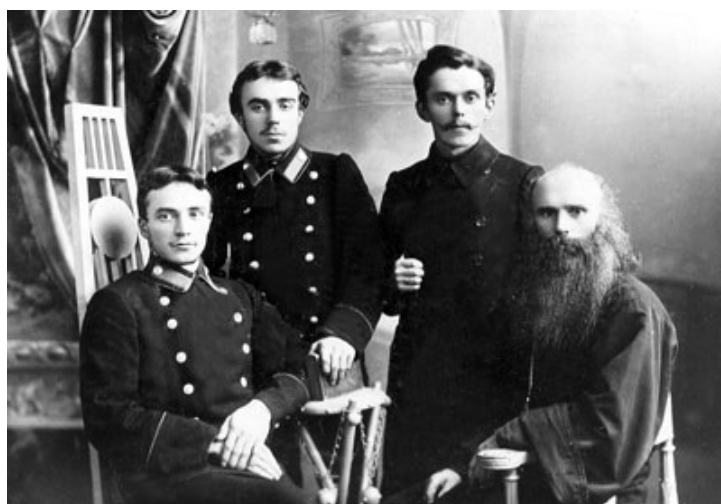


Диакон Владимир Мощанский с женой Евдокией Ивановной



Священник Владимир с сыном Николаем

За отзывчивость к нуждам людей, кротость и милосердие прихожане любили его как попечительного пастыря и отца. Несмотря на скудость средств, он всегда благотворил нуждающимся, отдавая иногда последнее. Когда о. Владимир шел в церковь, нищие подходили к нему, и он всех оделял деньгами, так что уже и Александра Ивановна говорила ему: "Отец, ты все раздаешь, у нас уже и у самих почти нет ничего, а ты раздаешь". Переехав впоследствии в Вышний Волочек, он жил по соседству с фабричными рабочими. Бывало, они получают зарплату и в три дня ее прогуляют, а между тем у них были семьи – и идут занимать деньги к отцу Владимиру. Александра Ивановна скажет: "Отец, они же тебе не отдадут". Но о. Владимир, зная это, давал все равно – его доброе сердце никому не могло отказать.



*Священник Владимир Мощанский с сыновьями.
Слева направо – Владимир, Александр и Николай. 1910-е годы.*



*Священник Владимир в кругу родных.
Стоят: слева направо – сыновья Александр, Владимир и Николай, дочь Ольга (сидит в центре),
Александра Ивановна Дмитриевская (слева). Начало 1920-х годов.*

Жизнь о. Владимир проводил молитвенную и постническую. По утрам, если не было церковных служб, подолгу молился, а свободное время посвящал чтению Священного Писания. В посты он старался поститься построже. Последние годы жизни о. Владимир тяжело болел, и ему прописали лекарство, которое нужно было принимать с молоком, однако он предпочитал не принимать его в среду и пятницу, но не нарушить пост.



*Священник Владимир с внучкой Ольгой.
Вышний Волочек. 1920-е годы.*

В 1924 году власти закрыли храм в селе Спасском и конфисковали церковный дом, в котором жил о. Владимир с семьей. Было совершено последнее богослужение, во время которого храм был полон молящимися, все стояли на коленях, многие плакали. До ближайшего города Кашина священника провожал весь приход – шли тридцать километров пешком. Из Кашина о. Владимир переехал в Вышний Волочек и поселился в доме своего отца, к тому времени уже умершего.

Гонения все усиливались, и дети о. Владимира стали просить его, чтобы он не служил в храме, поскольку это грозит преследованиями как для него, так и для них. Но о. Владимир не согласился. В Вышнем Волочке он служил в Зимнем соборе и ходил по городу в рясе. В то время в городе еще были открыты все церкви. По вторникам служили акафист в Казанском соборе, в среду акафист великомученику целителю Пантелеимону в Троицкой церкви, в четверг акафист Николаю чудотворцу в Никольской церкви. Отец Владимир не пропускал ни одного из этих богослужений. Почти каждый день священник был в храме. Только в последнее время, когда возраст стал подходить к семидесяти годам и подступили болезни, ему приходилось оставаться в будние дни дома. И тогда он выходил с внучкой Ольгой на улицу и, стоя возле дома, с благоговением и теплотой в голосе говорил: "Это звонят в Казанском соборе к обедне, а это в Троицкой церкви, а это у Николая чудотворца, а это Ермаковская церковь, а это Зимний собор".

Отец Владимир воспитывал внучку Ольгу, которая переехала к нему после смерти матери, когда ей было восемь лет. Первое время он обучал ее сам по всем предметам, но прежде всего обучил молитвам. Учил по старым дореволюционным учебникам, но лучше всего она запоминала, когда рассказывал священник. Когда в школе взялись проверять ее знания, то сразу приняли в пятый класс. Но ребенка всему можно научить в школе. И ей велели выучить частушку: "Нынче в церковь не ходила и не каялась попу, я такого крокодила даже видеть не хочу!" Придя домой, она с детским простодушием прочла эту частушку дедушке. Александра Ивановна только ахнула и сказала: "Да что же это такое!" А о. Владимир промолчал, внимательно посмотрел на внучку и сказал: "А ты подумала, Оля, что твой дедушка – священник?" И такое у нее было раскаяние, что она упала на колени и попросила прощения.

Когда здоровье о. Владимира не позволяло ему служить, он приходил в храм молиться, крестил младенцев, отпевал покойников, служил панихиды на Пятницком кладбище, где в Ильинской церкви служил когда-то его отец и где за алтарем было семейное захоронение Мощанских. На Пятницкое кладбище он приходил во все родительские субботы, чаще всего с родственниками. Бывало, что вся семья собиралась у родовых могил Мощанских и долго ждала о. Владимира, потому что, прежде чем прийти сюда, он шел в другое место, где тогда не было захоронений, и служил панихиду и молился здесь, как будто ему было открыто, что не в родовой, а в тюремной могиле ему суждено быть погребенным. Иногда уже и Александра Ивановна укоризненно скажет: "Ну что ты, отец, так долго, мы все тебя ждали". Он ничего не отвечал, но в следующий раз, когда шел служить на кладбище, заходил помолиться на место своего будущего погребения.

Пришло время беспощадных гонений 1937 года. Перед праздником Сретения, 13 февраля 1938 года, около его дома остановилась машина, откуда вышли трое сотрудников НКВД. Они предъявили документ на обыск и арест;

переворошили письменный стол и все вещи; забрали пять рублей серебром советских денег, один бумажный николаевский рубль, шесть столовых и четырнадцать чайных серебряных ложек, карманные часы с цепочкой, золотой браслет, золотой крестик крестильный и наперсный серебряный крест. В тюрьме врач обследовал состояние здоровья семидесятидвухлетнего священника и выписал справку: склероз сердца, старческая дряхлость; годен к физическому труду третьей категории.

В самый день ареста следователь допросил некую свидетельницу, она показала: "Мощанского Владимира Дмитриевича я знаю с 1937 года... как служителя культа в прошлом времени, а в настоящее время он проводит службы исключительно в большие духовные праздники и причем не зарегистрирован в соответствующих органах советской власти... Из разговоров верующих мне известно, что Мощанский прибыл из Кашинского района в город Вышний Волочек. Мощанский настроен к существующему строю и мероприятиям партии и советской власти враждебно, систематически высказывает среди верующих контрреволюционные антисоветские взгляды, направленные на подрыв советской власти, наносит оскорбления советской конституции, говоря, что это обман и свобода большевиков только на бумаге. Летом 1937 года Мощанский, выходя из церкви после службы, сказал вышедшим верующим: "Вы, верующие, молитесь Господу Богу, Он даст вам счастье, а эти... без Бога пропадут, да и вы сами видите, что у них жизнь идет все хуже и хуже с каждым днем, в городе нет ничего, а в деревне от колхозной жизни колхозники плачут". 1 декабря 1937 года Мощанский, идя по направлению к Пятницкому кладбищу совместно со служителем культа Успенским Владимиром Васильевичем, вел разговор по поводу предстоящих выборов в Верховный Совет. Мощанский сказал: "Да что там идти голосовать, это только формальность, большевики давно их выбрали, так что мы здесь в голосовании играем маленькую роль..." Также в большие духовные праздники Мощанский делал обход могил умерших и вместе с этим обходом наносил оскорбления существующему строю, говоря: "Раньше при царизме как жили все хорошо, а теперь свободная страна довела духовенство до того, что ходи по могилкам да оглядывайся, а то подойдут и арестуют, ведь незаконных арестов духовенства много, да чуть ли и не все, а всё кричат – свобода слова, свобода печати, у нас демократия".

На следующий день следователь допросил заведующего конторой Союзутиль, он показал: "Знаю Мощанского Владимира Дмитриевича с 1931 года как соседа. Мощанский все время служил в Зимнем соборе священником. Мощанский контрреволюционно настроен, антисоветскую агитацию проводил среди жителей города Вышнего Волочка в открытой форме под разными предложениями, восхвалял жизнь дореволюционного времени, открыто выступал против советских законов, распространял провокационные слухи оскорбительного характера по адресу советских ученых... Осенью 1937 года перед выборами в Верховный Совет в разговоре с ним на вопрос, почему он... стал служить, Мощанский стал угрожать, говоря: "Что вам надо, почему вы так враждебно относитесь к религии?" И от меня ушел. На второй день после этого разговора с Мощанским жена меня стала ругать, что я так отношусь к священнику, то есть Мощанский сумел за это время убедить мою жену, которая выступила в защиту священника. 23 ноября... в присутствии учеников восьмых-девятых классов Мощанский проводил контрреволюционную агитацию, направленную на распространение провокационных слухов оскорбительного характера против

наших ученых, говоря: "Ученый Павлов перед смертью завещал, чтобы имеющиеся церковные здания не ломать и не занимать под музеи, вот видите, и ученые заступаются за религию". На вопрос, откуда вы это узнали, Мощанский замолчал. Летом 1937 года Мощанский свою контрреволюционную агитацию проводил в поле на выгоне скота среди отсталых женщин, имеющих коров".

В тот же день сотрудник Вышне-Волоцкого НКВД допросил священника:

– Когда вы прибыли в город Вышний Волочек и откуда?

– В город Вышний Волочек я прибыл из села Спасского Кашинского района.

– Назовите, кого вы знаете из духовенства Вышнего Волочка.

– Из духовенства я знаю Всеволода Федоровича Зосимовского, священника собора, Александра Алексеевича Кобарова, священника собора, Ивана Никитича Воронцова, священника собора, Владимира Васильевича Успенского, настоятеля храма.

– Вы обвиняетесь в контрреволюционной антисоветской агитации, дайте по этому вопросу правдивые показания.

– Себя я в этом виновным не признаю и показаний или примеров по данному вопросу дать не могу.

16 февраля следователь продолжил допрос "дежурных свидетелей". Как почти всегда по делам о православных священниках, такими свидетелями были обновленцы, выполнявшие зачастую роль "судебных убийц". Обновленческий священник храма на кладбище показал: "Знаю Владимира Дмитриевича Мощанского с января 1938 года. Он тоже служитель культа, только тихоновского порядка. Мощанский контрреволюционно настроен. Контрреволюционную агитацию Мощанский проводил открыто и систематически, под всякими предлогами. Кроме того, Мощанский формально отказался от служения, но на самом деле является активным проводником антисоветских разговоров и уже тем совершает преступление, когда нелегально крестит младенцев и участвует в службах. 28 января 1938 года Мощанский открыто стал говорить: "Новообрядцы – это предатели православной земли, они ее продали антихристам-коммунистам". В продолжении разговора Мощанский заявил: "За нами идет вся масса верующих, а за вами никто". Кроме того, Мощанский является активным организатором встречи Нового года в церкви по-старому... 3 февраля 1938 года я зашел в Зимний собор, где службу вел священник Мощанский. После службы Мощанский подошел к церковному старосте, и ему председатель двадчатки стал что-то говорить; на это ему Мощанский строго ответил: "Потише, здесь есть шпионы".

19 марта сотрудник НКВД, имея перед собой протоколы допросов "дежурных свидетелей", приступил с вопросами к о. Владимиру.

– Вы обвиняетесь в контрреволюционной агитации. Дайте подробные показания.

– Контрреволюционной агитации я не проводил и виновным себя в этом не признаю.

– Зачитываю показания свидетеля о проведении вами контрреволюционной агитации. Признаете ли себя виновным?

– Считаю показания свидетеля неправдоподобными и их категорически отрицаю.

– Зачитываю показания свидетеля о распространении вами клеветнических слухов оскорбительного характера по адресу советских ученых. Признаете вы это?

– Да, действительно, такой разговор имел место, но я не говорил с целью проведения контрреволюционной агитации, этот разговор касался только одного ученого, про которого я и сейчас остаюсь при своем мнении.

– Что вас заставило встать на этот контрреволюционный путь?

– Поскольку я священник, то меня молодежь старалась втянуть в разговор, но я всегда старался этого избегать и больше молчать, но этот разговор я не мог пропустить мимо, не стерпел и дал ответ.

– Вы следствию говорите неправду. Следствие настаивает дать правдивые показания. Что вас заставило встать на этот контрреволюционный путь?

– Я следствию говорю только правду, никаких других причин не было.

На следующий день следователь вывел престарелого священника на очную ставку с "дежурным свидетелем".

– Хорошо помню, – показывал свидетель, – в октябре 1937 года Мощанский в присутствии верующих на одной из могил сказал: "Вот пришло время, нас, духовенство, преследуют за религию, ведь раньше этого царь не делал, а теперь свободная страна, и арест за арестом, а посмотреть, кого арестовывают, так можно смело сказать – невиновных людей". В январе 1938 года Мощанский около Пятницкой церкви сказал: "Составили всенародную конституцию, выбрали тайным голосованием правительство, а на деле проводят другое, вразрез всем своим законам, но этому народ не верит, а только больше озлобляется на советскую власть".

Следователь, обращаясь к священнику, сказал:

– Обвиняемый Мощанский Владимир Дмитриевич, вы обвиняетесь в проведении антисоветской агитации. Подтверждаете ли вы показания свидетеля?

– Антисоветской агитации я не проводил и виновным себя в этом не признаю. Также отрицаю показания свидетеля.

– Обвиняемый Мощанский Владимир Дмитриевич, вы говорите неправду, следствие настаивает дать правдивые показания о проводимой вами контрреволюционной агитации.

– Я говорю только правду, что контрреволюционную агитацию я никогда не проводил.

22 марта следователь провел очную ставку священника со следующим свидетелем, который сказал:

– 23 ноября 1937 года в присутствии нескольких учеников восьмых-девятых классов Мощанский проводил контрреволюционную агитацию, направленную на распространение провокационных слухов оскорбительного характера против наших ученых, заявляя: "Ученый Павлов перед смертью завещал, чтобы имеющиеся церковные здания не ломать и не занимать под музеи, вот видите, и ученые идут за религией".

– Обвиняемый Мощанский Владимир Дмитриевич, подтверждаете ли вы показания свидетеля?

– Да, подтверждаю показания свидетеля.

27 апреля было составлено обвинительное заключение и принято решение передать дело в суд для заслушивания его в закрытом заседании. 27 июня 1938 года к десяти часам утра священника доставили в здание народного суда для слушания дела. Даже для выдавших всякое судей вид немощного старца, которого предполагалось приговорить к семи годам заключения в исправительно-трудовой лагерь с последующим поражением в правах, вызвал

недоумение. Председатель суда зачитал обвинительное заключение и спросил, все ли священнику в нем понятно. Отец Владимир ответил:

– В чем меня обвиняют – это мне понятно. Виновным себя признаю в том, что я говорил, но только не с целью агитации; я сказал, что люди ученые тоже верят в Бога. Больше я ничего не говорил. Виновным себя в антисоветской агитации не признаю.

После этого были вызваны свидетели, дававшие показания на предварительном следствии. Один из них сказал, что священник заявлял, что "раньше жилось лучше, все было, свобода слова, а теперь ходи между могилками да оглядывайся, а то арестуют..." Другой свидетель на суде пояснил: "Осенью 1937 года в разговоре с Мощанским о новой конституции он мне сказал: "Что вы ко мне так относитесь враждебно, разве религия это позор?" 23 декабря 1937 года, как записал секретарь суда, ведущий стенограмму заседания, свидетель показал, что "священник... говорил, что Бог есть и что, когда академик Павлов умирал, он говорил, чтобы в Ленинграде не закрывали ни одной церкви, так как Павлов сам верил в Бога". Последним давал показания священник-обновленец; он сказал, что Мощанский настроен антисоветски, он нападал на обновленцев, называл их антихристами, говорил, что они предали веру.

Отец Владимир, выслушав все обвинения, выдвинутые против него, возразил, что если когда что и говорил, то не с целью агитации.

На этом судебное заседание закончилось; судьи ушли, чтобы вынести приговор – семь лет заключения с последующим поражением в избирательных правах на три года.

Отец Владимир подал жалобу, прося пересмотреть несправедливый приговор. На время, пока суд рассматривал жалобу, о. Владимира вернули в Вышневолоцкую тюрьму. Все камеры здесь были переполнены, заключенным почти круглосуточно приходилось стоять и даже на полу не было места прилечь. Когда надзиратель открывал дверь, то люди непроизвольно вываливались в коридор. Отец Владимир в тюрьме строго постился и почти все посылки, которые передавала ему Александра Ивановна, раздавал сокамерникам. В заключении протоиерею Владимиру исполнилось семьдесят два года. Состояние его здоровья становилось все хуже и хуже, а тюремная администрация медлила принимать какие бы то ни было меры, так что в конце концов заключенные в камере возмутились, стали стучать в железную дверь и кричать: "За что вы мучаете старого священника? В чем он виноват? Мы тоже верим в Бога".

16 августа 1938 года Специальная Коллегия Верховного суда, рассмотрев дело, постановила, что приговор подлежит отмене "на том основании, что такой важный документ, как протокол судебного заседания, председательствующим не подписан", показания одного из свидетелей записаны путано, указано, что не Мощанский вел антисоветские разговоры, а этот свидетель. На этом основании приговор суда подлежит отмене, а дело передаче в тот же суд со стадии судебного следствия.

Администрация тюрьмы не улучшила положение священника, оставив его в общей камере. Не вынеся тяжелых условий заключения, протоиерей Владимир Мощанский скончался 7 сентября 1938 года. 15 сентября копии определения Спецколлегии Верховного суда были пересланы начальнику Вышневолоцкой тюрьмы для передачи одной из них священнику, но вручить копию было уже невозможно.

Заклученные сами сделали гроб. Отца Владимира одели в чистое белье, которое он хранил в тюрьме на случай смерти. Гроб поставили на телегу и повезли на Пятницкое кладбище мимо дома священника.

Александра Ивановна не знала, что о. Владимир скончался, и еще несколько дней носила в тюрьму передачи. После смерти о. Владимира его образ стал являться начальнику хозяйственной части тюрьмы. Куда бы он ни шел, чтобы ни делал, перед его взором стоял старый священник. Это продолжалось и ночью, так что он совсем потерял сон. И вот на рассвете девятого дня с момента кончины о. Владимира, едва рассеялись сумерки, он пошел по улице в сторону кладбища. Он не знал адреса его близких, но непроизвольно, по внушению Божию, остановился перед домом священника и постучал в окно. Александра Ивановна открыла форточку и спросила, что ему нужно. "Выйдите, оденьтесь, ваш дедушка умер, я покажу вам могилку". Александра Ивановна вышла, и он отвел ее на кладбище и показал могилу о. Владимира, где еще при жизни он служил панихиды. Впоследствии на этом месте был поставлен крест и погребены сын и дочь священника – Владимир и Ольга.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 3». Тверь. 2001. С. 151-163

Примечания

¹ Александр Владимирович родился в 1894 году, окончил Тверскую Духовную семинарию, но священником не стал, был учителем. Во время Отечественной войны он с семьей попал в зону немецкой оккупации; немцы сочли, что он похож на еврея, и несколько раз собирались его повесить. В третий раз на шею уже была накинута петля, и в этот момент он дал обет, что, если останется жив, то посвятит жизнь служению Богу. За него заступился священник местной церкви, где Александр Владимирович служил псаломщиком. Сразу же после окончания войны Александр Владимирович поспешил исполнить обет, и в 1946 году был рукоположен в сан священника. Сначала он служил в Тверской епархии, затем во Владимирском соборе в Санкт-Петербурге, а в последние годы в Вырицкой церкви под Петербургом. Скончался о. Александр в 1981 году. Отец Александр Мощанский был женат на дочери священника Измаила Рождественского, Евгении. Ее отец служил в храме недалеко от Вышнего Волочка во все время гонений до начала тридцатых годов. Во время последнего кровавого гонения 1937 года он был уже настолько стар и немощен, что почти не поднимался с постели. В 1937 году его пришли арестовывать. Он в это время лежал на печи. Вошли трое незнакомых людей, и о. Измаил, поглядев на них, понял, что это пришли за ним. Склонившись с печи, он сказал ласково: "Матушка, согрей самовар. Видишь, как они замерзли". Старший из пришедших поглядел, помолчал, еще поглядел на священника и сказал: "Пошли, ребята, тут нам уже делать нечего". И не стали его арестовывать. Отец Измаил скончался спустя полтора месяца.